

страстями как плотскими, так и духовными. В одолении их заключается духовное мужество. Только тот истинный царь и самодержец, кто стремится побороть бессловесные страсти души своей: ярость, гнев напрасный и плотские похоти. Мысль о необходимости борьбы со страстями проходит через все произведение. И в гл. 7 говорится, что нужен не только пост, но и «душевныхъ страстей воздержаніе».¹ И в гл. 12 страсти, бушевающие душу царя, сравниваются с облаком, закрывающим солнце. Упоминаемые здесь страсти приблизительно те же: ярость, гнев безвременный, пьянство, похоти. И в других местах подчеркивается сребролюбие, хищение чужих имений. Так в гл. 14 и особенно в гл. 23, где после призыва не искать себе сокровищ на земле «неправдою и хищеніемъ чюжихъ имѣній и стяжаній», читаем: «Царь убо пресвѣтель сый и преславенъ, утверди себе богомудренно, да не побѣжденъ будеши когда страстію іудейскаго богомерскаго и работѣннаго сребролюбія».² Глава 26, предпоследняя, снова возвращается к основной мысли и, объединяя раньше сказанное, облакает его в еще более выразительную форму. Она опять подчеркивает, что только тот, кто поборол три страсти, бушевающие всякую душу и царскую в особенности — сластолюбие, славолюбие и сребролюбие, — только тот есть действительно царь и самодержец и по отношению к себе и к подданным, а одержимый ими есть раб греха. И в этом последнем случае контраст величия власти и нравственного ничтожества ее носителя представляется более всего вопиющим: «И что убо быти можетъ сего зазорнѣйшее, да не глаголю, окаяннѣйшее, яко мяшагося владѣти градовомъ преславнымъ и языкомъ неудобъ счисляемымъ, самому владѣму и водиму бывати бессловесными страстьми и рабу нарицатися отъ святыхъ устъ спасовыхъ?» Так говорит Максим, заканчивая 26 главу, и добавляет к этим словам красноречивое *sapienti sat*: «Разумѣваяй да разумѣть внятно глаголемая».³ Молодой Иван должен был понять Максима. И мы пойдем его, если представим себе те годы молодости Ивана, под впечатлением которых писались «Главы». Перечитаем Курбского: «По немногихъ лѣтахъ, и мати ему умре; потомъ питаша его величые гордые паны, по ихъ языку, боярове его на свою и дѣтей своихъ бѣду, ретящеса другъ предъ другомъ, ласкающе и угождающе ему во всякомъ наслажденію и сладострастію. Егда же началъ приходити въ возрастъ, аки лѣтъ въ дванадесять, и впредь что творилъ, умолчю иные и иные, обаче же возвещу сіе. Началь первіе

¹ Каз. изд., II, стр. 161.

² Ibid., стр. 173.

³ Ibid., стр. 181, 182.